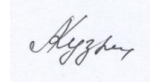

На правах рукописи

КУЗЬМИНА АЛЕВТИНА ВИКТОРОВНА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО П.И. КАРПОВА

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Курск – 2014

Работа выполнена на кафедре русского языка
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Курский государственный университет»

Научный руководитель: **Климас Ирина Сергеевна**,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Курский государственный
университет», профессор кафедры русского
языка

Официальные оппоненты: **Плотникова Лариса Ивановна**,
доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет», профессор
кафедры филологии

Дьяченко Юлия Александровна,
кандидат филологических наук,
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Лицей №6» города Курска

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный
педагогический университет»

Защита состоится 27 ноября 2014 г. в 13 часов на заседании
объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском
государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева,
33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Курского
государственного университета.

Автореферат разослан « » октября 2014 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета

кандидат филологических наук

Косицына Наталья Олеговна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Язык выдающихся художников слова постоянно привлекает внимание лингвистов, поскольку именно через слово писателем осуществляется восприятие мира в целом, его оценка, а также воплощаются мысли и чувства автора. Базой для понимания и исследования языковой личности и индивидуально-авторского видения мира писателя является словарь.

В отечественной филологической науке изучены далеко не все мастера слова, их художественное наследие пока не получило отражения в авторской лексикографии. К числу незаслуженно забытых до недавнего времени можно отнести и имя курского писателя и поэта Пимена Ивановича Карпова. Долгое время не существовало опубликованного полного собрания сочинений П.И. Карпова, однако в 2011 году в издательстве «Славянка» усилиями собирателя рукописей и ценителя карповского творчества Н.А. Шатохина вышел двухтомник, куда были включены лирические и прозаические тексты, а также публицистические произведения мемуарного характера. На малой родине писателя в селе Турка Хомутовского района проводятся ежегодные Карповские чтения. В одном из своих выступлений Николай Гребнев, председатель Курского отделения Союза писателей России, отметил: «... Его творчество не похоже ни на чье другое. Это очень важно, ведь штамп для литератора губителен. А Пимен Карпов оригинален. Вот в этом он нам и служит примером».

Изучение художественного слова П.И. Карпова стало составной частью научного проекта «Курское слово» кафедры русского языка Курского государственного университета. В рамках проекта ведется работа по исследованию языка А.А. Фета, Н.Н. Асеева, А.П. Гайдара, Е.И. Носова, К.Д. Воробьева, В.В. Овечкина, В.П. Деткова и других писателей, жизнь и творчество которых связаны с Курским краем.

Пимен Иванович Карпов (1886 – 1963), родившийся в селе Турка в Курской губернии в семье безземельных крестьян-старообрядцев, начало своей творческой деятельности датирует 1904 годом, но на самом деле первые его публикации, очерки и стихи в леворадикальной газете «Курская весть», относятся к 1906 году. В 1909 году вышла в свет книга Карпова – сборник статей-памфлетов «Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции». На книгу обратили внимание Л. Толстой, А. Блок и многие другие писатели, которые хотя и сомневались в том, что П. Карпов имеет право говорить от имени всей России, но отнеслись к автору с интересом и вниманием – как к «выразителю народного сознания».

В 1913 году был опубликован роман Карпова «Пламень. Из жизни и веры хлеборобов». В. Розанов писал: «Он нашумел книгою “Пламень”...». Наиболее пронцательно оценил роман А. Блок, размышляя о неминуемом

столкновении государства и интеллигенции с народной стихией: «Так и из “Пламени” нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России».

Сборники стихов удается выпустить только в 1922 году – «Русский ковчег» и «Звездь», а также книги рассказов «Трубный голос» и «Погоня за радостью», в которых писатель фиксирует развал всей жизни в среднерусской полосе. Автобиографическая повесть «Из глубины», над которой Карпов работал с конца 20-х годов, была издана лишь частично. Остались неопубликованными многочисленные его рассказы, стихотворения, повесть «Кожаное небо». В середине 30-х годов Карпов работает над романом «Путешествие по душам», также оставшимся неопубликованным, и над книгой «Из глубины», где вспоминает о своих первых шагах в литературе, о писателях, с которыми его столкнула судьба.

Литературные взгляды П.И. Карпова неоднозначны. В начале творчества он посещал собрания Религиозно-философского общества и «среды» на «Башне» Вяч. Иванова. Корреспондент Н. Шебуев в своей статье «Поэтический анархизм» написал в 1908 году: «Вот Пимен Карпов, молодой рабочий, с виду мешковатый, неповоротливый, будничней. А в душе у него – сказка – с золотыми зорями, с серебряными реками, жемчужными туманами, бриллиантовыми росами. Сколько аромата, нежности и радуги в душе этого молодого мужика!». Позже Карпов сблизился с «крестьянскими» поэтами С. Клычковым, С. Есениным, А. Ганиным. Его стихи о мессианской судьбе России, ступившей на свой трагический путь, находятся под значительным влиянием символизма, окрашены особенной религиозной образностью. Исследователи отмечают светоносную, «огненную» символику Карпова: *«А мы, на ком лежат проклятья латы, / Себя сподобим твоему огню. / И этим неземным огнем крылаты / Навстречу устремимся звездодню!»*. По собственному признанию П. Карпова, ему, выходцу из народа, помешало обрести себя как подлинно народного писателя «влияние символизма», «непонимание общественного назначения литературы». И.З. Баскевич писал: «...И все же творчество П.И. Карпова, несмотря на всю категоричность авторской самокритики, заслуживает серьезного изучения».

Художественное наследие П. Карпова можно считать практически не описанным в лингвистическом плане. Нам известно лишь несколько критических статей историко-биографической и литературоведческой направленности: И.З. Баскевича, Г. Бондаренко, О.В. Вергазовой, С.С. Куняева, Е.В. Ланге, К.М. Поливанова, В. Розанова, Г.А. Салтык, Н.А. Шатохина.

Актуальность данного исследования определяется всё возрастающим вниманием к творческой личности П.И. Карпова, а также отсутствием в лингвистике научных работ, посвященных изучению его художественного слова.

Объектом исследования является язык лирических и прозаических произведений П.И. Карпова, **предметом** – количественные и качественные характеристики лексикона разножанровых произведений писателя.

Базой эмпирического материала послужили художественная проза и стихотворения, опубликованные в разных сборниках:

1 – Карпов П.И. Собрание сочинений: в 2 т. Курск: Издательский дом «Славянка», 2011. Т.1: Романы, рассказы. 464 с. (роман «Кожаное небо», три рассказа «Бесенок», «Жемчужное озеро», «Туська»).

2 – Карпов П.И. Собрание сочинений: в 2 т. Курск: Издательский дом «Славянка», 2011. Т.2: Стихотворения. Воспоминания. Публицистика. С. 7–47 (семь стихотворений из книги «Русский ковчег», двадцать три стихотворения из книги «Звездь», шесть стихотворений из цикла «Предутрие», два стихотворения под общим названием «Стихи разных лет»).

3 – Карпов П.И. Пламень. Русский ковчег. Из глубины. М.: Художественная литература, 1991. С. 19–244. (роман «Пламень», шестнадцать стихотворений из цикла «Грозоцвет» и одиннадцать стихотворений – из «Предутрия»).

Цель работы – охарактеризовать художественное слово П.И. Карпова в разных аспектах.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- составить алфавитные и частотные словники в соответствии с родовой принадлежностью макротекстов (язык художественной прозы и язык поэзии П.И. Карпова) и провести их сравнительный анализ;
- сформулировать принципы создания словарей П.И. Карпова с учетом основных теоретических положений, имеющих по данному вопросу;
- выявить количественные параметры актуализированного лексикона писателя;
- охарактеризовать стратификацию словарного состава в поэзии и прозе П.И. Карпова;
- рассмотреть тематические группы слов в разных жанрах авторского дискурса;
- описать наиболее значимые для актуализированных лексиконов прозы и поэзии писателя доминанты.

Методы исследования. В нашем диссертационном сочинении используются традиционные лингвистические методы: описательный, таксономический и сопоставительный; активно использовалась методика количественного анализа, а также разработанная курскими учеными методика доминантного анализа.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что наблюдения и полученные выводы способствуют решению определенных проблем в области авторской лексикографии, вносят вклад в изучение языка П.И. Карпова, углубляют представление о художественном слове курского писателя и его языковой личности.

Практическая ценность работы видится в том, что результаты и материалы диссертационного исследования могут быть использованы в курсах современного русского литературного языка, лингвистического анализа художественного текста, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных языку П.И. Карпова, а также в лексикографической практике.

Новизна работы, напрямую связанная с актуальностью, состоит в том, что данная работа является первым в своем роде опытом описания идиолекта П.И. Карпова, и нами впервые предпринята попытка всестороннего исследования лингвистической составляющей художественного наследия писателя.

Положения, выносимые на защиту.

1. Для комплексного описания художественного слова П.И. Карпова важен лексикографический подход, предполагающий основанное на адекватных принципах создание алфавитных словарей и частотных словарей разножанровых произведений писателя.

2. Характеристика авторского актуализированного лексикона определяется спецификой количественных показателей, особенностями стратификации словарного состава поэзии и прозы, наличием окказиональной лексики.

3. Оптимальной для начального этапа изучения писательского идиолекта является классификация словаря по лексико-грамматическому и тематическому критерию, позволяющая максимально осознать строение индивидуальной языковой модели мира.

4. Анализ доминантной лексики с точки зрения синтагматических связей и своеобразия семантической структуры выявляет приоритеты художественного мировидения.

5. Жанровая дифференциация произведений П.И. Карпова проявляется на уровне всего лексикона, лексико-грамматических разрядов, тематических групп, лексико-семантических полей и лексических доминант.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования излагались на заседаниях аспирантского семинара при кафедре русского языка Курского государственного университета в 2009–2012 гг., были представлены в докладах на Международной научно-практической конференции «Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах» (Орел, 2010), на X Международной конференции молодых ученых «Проблемы языковой

картины мира на современном этапе» (Нижний Новгород, 2011) и отражены в четырнадцати публикациях, три из которых – в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и использованных словарей, библиографического списка и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного сочинения, определяются база фактического материала работы и методы исследования, формулируются основные теоретические положения диссертации, выносимые на защиту.

В первой главе **«Лексикографический подход к изучению художественного слова. Общая характеристика словарей и частотных словарей поэзии и прозы П.И. Карпова»** определяются теоретические подходы к изучению художественного наследия писателя, даётся общая характеристика составленных нами словарей и частотных словарей, проводится количественный анализ лексикона, а также намечаются принципы его стратификации.

Первый параграф посвящён обоснованию понятийного аппарата исследования. Одной из характерных черт современной лингвистики является ярко выраженный антропоцентризм. Антропоцентризм при изучении языка художественной литературы выражается в ряде ключевых понятий, которые имеют особое значение для решения поставленных нами задач.

Понятие *языковая картина мира* разрабатывалось в трудах Й.Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа, В. фон Гумбольдта, Ю.Д. Апресяна, А.А. Зализняка, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, С.Б. Аюповой и других отечественных и зарубежных учёных, однако единого определения не существует. По определению Ю.Д. Апресяна, это «особый способ мировидения». Важно, вслед за А.В. Балабановой, подчеркнуть, что под языковой картиной мира художника слова понимается «совокупность его мировоззренческих представлений, которые нашли отражение в созданных им текстах».

Основополагающими для исследования языка писателя являются понятия *языковая личность* (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян и др.) как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых

произведений, и *дискурс* (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, В.В. Иванов, Т.Б. Алисова, В.И. Карасик, В.В. Красных, И.А. Мальковская, Е.И. Шейгал) как совокупность всех речевых актов, порожденных и воспринятых языковой личностью (нами взяты за основу определения Ю.Н. Караулова).

Мы считаем рабочими взаимосвязанные термины *идиостиль* и *идиолект* (А.И. Иванова, Н.А. Фатеева, В.В. Леденева, О.И. Северская, Р.И. Климас), характеризующие авторский способ языкового выражения: применительно к художественной речи, идиолектом можно назвать «одно из возможных состояний» системы поэтического языка, «усвоенное индивидом и представленное в его творчестве», идиостилем – «способ построения текста» (О.И. Северская).

Для исследования художественного текста С.П. Праведников и А.Т. Хроленко ввели понятие *актуализированный лексикон*, понимая под ним «весь набор слов, используемых носителем языка в определенное время или в определенном тексте». Отмечается, что актуализированный лексикон возможен в двух версиях – словнике лексем и частотном списке этих лексем.

Во втором параграфе анализируются основные принципы составления словников лирических и прозаических произведений П.И. Карпова. Чтобы адекватно описать словарный состав произведений П.И. Карпова в лексикографическом аспекте и определить, какое место занимает этот словарь в ряду словарей других писателей, с помощью программы автоматизированного создания лексиконов NewSlov нами были составлены алфавитные и частотные словники лирических (*Л*) и прозаических (*П*) художественных текстов П. Карпова. В словник включены все лексем, употребленные в анализируемых текстах, независимо от значения, стилистической маркированности и употребительности. При построении словников мы руководствовались общими принципами, разработанными курскими учеными (А.Т. Хроленко, М.А. Бобуновой и др.), при этом стремились максимально сохранить индивидуальные особенности карповского словаря.

В параграфе 1.3. представлена общая характеристика словников. Полный алфавитный словник лирики П.И. Карпова насчитывает 1870 лексем, зафиксированных в 5792 словоупотреблениях (с/у), словарь прозы включает 10402 лексические единицы в 64329 с/у. Причиной столь значительного отличия является разница в объеме исследуемого материала. С помощью методики количественного анализа в поэзии и прозе П.И. Карпова были выявлены коэффициент лексического разнообразия и средняя частотность лексической единицы в словниках. Это позволило разделить всю лексику на частотную и малочастотную, а также отметить высокий процент малочастотной лексики в идиолекте писателя. Коэффициент лексического разнообразия определяется

отношением количества лексем в словнике к количеству словоупотреблений: в *Л* этот показатель составляет 0,3, в *П* – 0,2. Средняя частота слова в *Л* – 3 с/у, в *П* – 6 с/у. Анализ данных и их сравнение с общезыковыми показателями выявляет специфику словаря П.И. Карпова: процентное соотношение лексем и с/у в лирических произведениях более соответствует общезыковым тенденциям.

Редкие слова представляют большой интерес для исследователя, так как именно они отражают специфику языковой картины мира писателя. Одной из главных особенностей идиолекта П.И. Карпова является высокая доля лексем с коэффициентом употребления 1, так называемых *haraх legomena*. По сравнению с общезыковым употреблением (34,1%), единичные слова в *Л* П.И. Карпова составляют 59,9%, в *П* – 50,7%.

Качественный анализ стратификации лексикона позволяет сделать вывод, что П.И. Карпов в своем творчестве умело использует слова, характеризующиеся в словарях пометами «**народно-поэт.**», «**обл.**» (*росстань* – *Л*; *вымоина, грабарь* – *П*), «**прост.**» (*маета* – *Л*; *брюхо, взъерепениться, укокошить, харя* – *П*), «**разг.**», «**устар.**» (*данник, лобзание, око* – *Л*; *баять, пламень, шелом* – *П*), «**церк.**» (*причастие, серафим* – *Л*; *амвон, аналой* – *П*). Наиболее значимый пласт составляют единицы фольклорные – *Л* (*мóлодец, соколик, чара, полонянка, лазоревый, родимый, гуливый, тужить, пригорюнившись, разутешить*) и разговорные – *П* (*горланить, чуют, поп, темень, адовый, бесшабашный*).

Окказиональная лексика – важная составная часть идиолекта П.И. Карпова, она демонстрирует потенциал словотворчества писателя. Самой большой по численности является группа имен существительных (*злыдота, человекодав, животоглот*), также в актуализированных лексиконах зафиксированы окказиональные имена прилагательные (*буйнозвездный, седобурунный*), глаголы и глагольные формы (*хихнуть, напыхмуренный*), наречия (*узывчиво, неотнимно*). Наиболее многочисленны в идиолекте П.И. Карпова сложносоставные окказиональные слова и созданные способом «сложение основ + суффиксация». Так, выделяется большая группа сложносоставных существительных, построенных по разным моделям: *береза-песня, враг-супостат, демон-скиталец, зарево-мантия, звездочет-провидец, ива-дума, ключ-звезда, колдунья-девушка, луч-клык, любовь-солнце* – в лирике, *антихрист-душител, аспид-помещик, барыня-помещица, барышня-бесенок, бегуны-лыжи, бедняк-пролетарист, бог-вождь, бородач-хлебороб* – в прозаических текстах. В поэзии П.И. Карпова используются окказиональные отглагольные существительные, например, *гремя* (от *греметь*), *пев* (от *петь*): ...*Но, возмутив в зазвездной глубине / Ключи глухие ярой, древней теми, / Сожги себя на медленном огне / И изойди в неукротимой греми...* (3, *Заклинание России*, с. 228); ...*Благостно легки /*

Розовые певы, – / Яблонь лепестки, / Улыбнитесь мне вы!.. (З, «Да поют, звеня...», с. 219).

Продуктивными элементами при образовании имен существительных являются корневые морфемы *звезд-, солнц-, -струй, цвет-* (*ключеструя, звездосиянье* – в прозе; *златоцвет, цветосон, звезднокормчий, солнцеструя* – в лирике), имен прилагательных – *-огн-, солнц-, светл-* (*светлоогненный, солнццветный*): *...И душу ее, ее огромные русалочки глаза ненасытимая переполнила ненависть к миру... Отравлялись ею ключеструи, колодцы и источники...* (З, Пламень, с. 88); *...Все, как сон, пройдет; / Жизнь темна и брэнна... / Только лоно вод / У садов блаженно, Только цветосны...* (З, «Да поют, звеня...», с. 219).

Во второй главе **«Лексическое своеобразие языковой модели мира П.И. Карпова в жанровом аспекте»** представлена тематическая классификация двухсот самых частотных слов в актуализированных лексиконах прозы и поэзии П.И. Карпова, а также описано лексико-семантическое поле «Огонь», ярко характеризующее своеобразие языковой картины мира курского писателя.

В параграфе **«Принципы семантической классификации актуализированного лексикона П.И. Карпова»** отмечается, что данная типология строится на основе положений, разработанных в таких лексикографических источниках, как «Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой, словари под редакцией В.В. Морковкина – «Лексическая основа русского языка», «Лексические минимумы современного русского языка» и «Система лексических минимумов современного русского языка». Базой членения материала является предложенная С.П. Праведниковым классификация фольклорных текстов по принципу ТОП–50, 100, 250. Согласно этой теории, первые пятьдесят, сто и двести пятьдесят слов частотного словника составляют его «головную часть» и должны исследоваться поэтапно. Нами был составлен ТОП–200 знаменательных частей речи актуализированных лексиконов П.И. Карпова, поскольку при первоначальном отборе материала мы ориентировались в большей степени на поэзию, и «Список двухсот знаменательных лексем» охватил все частотные знаменательные лексем поэтического словника. Главной трудностью при распределении лексем оказалась размытость границ между выделенными группами.

Частеречное соотношение знаменательных лексем позволяет говорить о предметной основе словаря лирических и прозаических произведений писателя. Имена существительные, репрезентирующие **предметный мир**, были разбиты на тридцать две тематические группы, «наполненность» которых различна и неравномерна. Самым обширным лексическим объединением как в *Л*, так и в *П* является фонд существительных, характеризующих человека в широком смысле слова и связанные с ним понятия.

По количеству лексем наиболее многочисленны группы «Имена персонажей» (*Гедеонов, Крутогоров, Туська, Людмила, Феофан*) и «Соматизмы» (*глаз, рука, сердце*) в прозаических произведениях П.И. Карпова и «Вербальные и невербальные средства общения» (*песня, голос, молитва*) – в лирических.

Большая часть «номинативных» тематических групп актуальна как для прозы, так и для поэзии П.И. Карпова, однако частотные и дистрибутивные показатели свидетельствуют о жанровой специфике. Так, в группе «Общее обозначение лиц» в *П* доминирует лексема *толпа* (97), более употребительная, чем *люди* (37) и *человек* (35). Толпа представляется Карповым как темная и неразумная сила, имеющая большую угрозу для человека: *хохочущая ярая, сбродная, тесная, угрозная немая, разъяренная, беспощадная, очумелая, недужная* (*П*); *смятенная, заклятая, слепая* (*Л*); она *беснуется, мертво грохочет, мечется, закручивается, злоеце гудит, ярится, ревет, ропщет, вспенивается, бурлит* (*П*), *гремит* (*Л*): ...**Толпа заметалась люто, закрутилась по моленной, заслоняя окна, чуть маячившие в стенах...** (3, Пламень, с. 86); ...**Гудела злоеце толпа, грозным кидаясь на алтарь шквалом...** (3, Пламень, с. 193). Писатель подчеркивает связь толпы с темными силами, с дьяволом: ...**Скликал толпу слепую Дьявол / На шабаш ведьм и колдунов...** (3, Светлоград, с. 231). В тематическую группу «Наименования лиц по родственным и близким отношениям» в *П* входят существительные *мать* (87), *брат* (83), *друг* (60), *отец* (48), *сын* (28), *дочь* (26): ...**Миллионы отцов, матерей, сирот, вдов, в тоске и горе неизбывном, клянут тебя, Русь...** (3, Пламень, с. 112). В *Л* данная группа представлена только одной лексемой *брат* (4), которая в корпусе текстов имеет значение не родственных отношений, а, скорее, употребляется с семантикой ‘человек, близкий по духу, мировоззренческим взглядам’: ...**И проходил тут я, опальный ангел, / По лютому пути в извечный ад, / Неся, как солнце, пятое евангелье, / И увидал: в огне горит мой брат...** (3, Тринадцатый колдун, с. 230).

К субстантивным группам, зафиксированным в одном из жанров, относятся «Морально-волевые качества» (*сила*), «Предметы обихода» (*лампада*), «Названия оружия и снаряжения» (*меч, стрела*), «Звуки окружающей природы или их отсутствие» (*тишина, гул, шум*), «Знаки» (*знак*) – в лирике, «Социальная деятельность человека» (*дело*), «Животные» (*змея*) – в прозе.

Описывая признаковый мир в индивидуальной языковой картине П.И. Карпова, мы установили, что частотные имена прилагательные делятся на следующие тематические группы: «Внешний вид предмета», «Цветовое обозначение предмета (колоративы)», «Характеристика внутреннего состояния предмета, внутреннего мира», «Характеристика степени близости, родства», «Экзистенциальные категории», «Темпоральные характеристики», «Характеристика местоположения

(локативы)», «Характеристика материала, из которого изготовлен предмет». Как и в случае с именами существительными, практически все выделенные тематические объединения прилагательных представлены в прозе и лирике П.И. Карпова. Неактуальными для одного из жанров являются только группы «Характеристика степени близости, родства» – для поэзии, «Характеристика материала, из которого изготовлен предмет» – для прозаических текстов.

Самыми репрезентативными по количеству лексем оказались группы «Внешний вид предмета» (*старый, дикий, молодой*) – в прозе, «Цветовое обозначение предмета (колоративы)» – в лирике. Нетрадиционное использование колоративной семантики при изображении предмета, авторское переосмысление цветообозначений и символическое «звучание» некоторых из них является специфической чертой идиолекта П.И. Карпова. Например, в переносном употреблении колоративы, обозначающие оттенки зеленого, встречаются при описании небесных тел – звезд, солнца, луны: *...В глубоком же ночном зеркале озера хвойные берега и туманы плыли опрокинутыми таинственными башнями в зеленом огне звезд и луны...* (Пламень, с. 200); *...Наутро, когда зеленое зимнее солнце, взвившись на огненных крыльях над серебряным от инея лесом, рассыпало горы алмазов по крышам и сугробам – мужики успокоились...* (Пламень, с. 215). Для поэтики П.И. Карпова характерно метафорическое использование атрибутива *черный* в значении ‘тяжелый’, ‘зловещий’, ‘мрачный’, ‘безотрадный’: *...Но не взгремел никто со мною вместе, / И **черный** поглотил меня провал...* (3, Венчаный, с. 226); *...И крылья радости, и **черный** парус боли – / Всё в схватке яростной плывет невесть куда...* (3, Скитальцы, с. 224). В прозе *черный* цвет часто напрямую связан с кровью и смертью: *...**Черная** руда потекла из-под него по рогатине густыми запекшимися иматьями...* (3, Пламень, с. 114); *...И ужас охватывал его: за плечами стояла смерть, касаясь **черным** своим крылом безнадежного сердца...* (3, Пламень, с. 170). Интересной особенностью прозаических произведений П.И. Карпова является употребление сложносоставных прилагательных, дающих цветовую характеристику описываемого предмета. Такие лексемы обозначают сложную цветовую гамму, так как соединяются разные краски: *белорозовый/белорозовый, голубо-алый, черно-багровый, черно-седой, бело-алый, буро-желтый, зелено-желтый, красно-зеленый, огненно-белый, огненно-бледный, огненно-сизый, серо-зеленый, сизо-синий, сине-бурый, черно-алый, черно-светлый:...* *Но гул садов, шелест леса, движенье победного **голубо-алого** света, шум ароматов, рос и цветов заглушал вещий клич поэта и заряницы...* (3, Пламень, с. 213). Самую обширную группу составляют слова с *черным* «элементом»: *...Под колдовской свист и вой отары, мнилось отцу, вот-вот, наклонит дочь над ним черные свои качающиеся кольца-кудри. Положит к нему на плечи руки. Пристынет*

огневыми **черно-алыми** губами к старому высохшему рту!.. (3, Пламень, с. 24).

В структуре глагольной лексики, представляющей процессуальный мир, выделяются группы «Физическое действие» (*убить, поднять, восстать*), «Движение» (*идти, брести, плыть*), «Коммуникативные процессы или их отсутствие» (*говорить, молчать, петь*), «Интеллектуальная деятельность» (*знать*), «Эмоциональное состояние» (*любить, верить, ждать*), «Зрительное восприятие» (*видеть, глядеть*), «Бытийные глаголы» (*быть, жить, есть*), «Модальные глаголы» (*мочь, хотеть*). Первая группа является наиболее насыщенной по количеству структурных членов и характерной для обоих исследуемых жанров. Самая высокая частота употребления в прозе слова *убить* связана с описанными в романе «Пламень» действиями сектантов – постоянными убийствами людей для жертвы темным силам: *...Кровь била из расколотой головы черной пеной. Острые белые глаза еще горели, но уже были неподвижны. Дрогнуло что-то в сердце следопыта... Брата убил!..* (3, Пламень, с. 146).

В параграфе «Лексико-семантическое поле «Огонь» в идиолекте П.И. Карпова» в соответствии с известной моделью строения поля «ядро – центр – периферия» определяются особенности индивидуально-авторского видения мира. С одной стороны, огонь в творчестве П.И. Карпова характеризуется, как священный, очистительный и надмирный («божественный, благостный»), дающий человеку свет и тепло: *...Мечом, исступленною клятвою, / Архангельской грозной трубой / В огне я очищу поля твои / И жить буду в дебрях с тобой...* (Заклятый цветок, с. 215). С другой стороны, чаще огонь – это стихия, не оставляющая на своем пути ничего живого, он выжигает душу при помощи негативных эмоций: *...Как чернобурунная туча, через всю его жизнь острый прошел огонь зла и сжег его душу...* (Пламень, с. 25). Вершиной словообразовательного гнезда является ядерная лексема *огонь*. Дериваты данного слова (*огонёк, огневой, огненный*), входящие в структуру гнезда, а также его контекстуальные синонимы (*костер, пожар, пламя, пламень*) составляют центр рассматриваемого лексико-семантического поля. Слова единичного употребления, образованные самым продуктивным для П.И. Карпова способом – сложением слов и основ, занимают значительную часть центра поля (*глаз-огонь, сердце-огонь, огонь-зов, огнепалимый, огнецвет*). Периферия представлена словами-ассоциатами, объединенными в несколько групп: источник света и тепла (*свет, солнце, свеча, факел, огарок*), продукты горения (*дым, гарь*), воздействие огня (*гореть, жечь, пылать*).

В третьей главе «Доминантная лексика актуализированных лексиконов поэзии и прозы П.И. Карпова» дается характеристика ключевых для идиолекта писателя слов, которые являются концентрированным выражением мировоззренческих взглядов курского

художника и позволяют глубже проникнуть в замысел художественного произведения.

Доминанты лирических и прозаических текстов П.И. Карпова мы идентифицируем в списках двухсот самых употребительных имён существительных, прилагательных и глаголов «с дальнейшим движением анализа от доминантных слов – к доминирующим концептам» (С.П. Праведников). Для обнаружения и исследования наиболее частотных знаменательных слов в аспекте языковой картины мира применяется методика доминантного анализа, апробированная курскими лингвистами на разных видах текстов. В актуализированном лексиконе П.И. Карпова можно выделить общежанровые (доминирующие и в *Л*, и в *П*) и одножанровые (доминирующие в одном жанре) наименования. Всего нами зафиксированы 191 одножанровая единица и 80 общежанровых. Такое расхождение в количестве лексем мы связываем с многогранностью языковой личности автора и богатством его словаря. Описание избранных доминант в нашей работе производилось в связи с высоким совокупным ранговым положением представленных слов с учетом приоритетов языковой картины мира П.И. Карпова.

Рассматривая субстантивные доминанты, мы сделали наблюдение, что большую часть высокоупотребительных имен существительных составляют одножанровые лексемы. Так, в прозе это слова: *Андрон, Башилов, Варвара, вечер, взгляд, волос, Вячеслав, гад, Гедеонов, голова, город/град/Град, громада, губа, дверь, дворец, дело, друг, дом, дочь, зло, злыдота, змея, зуб, камень, келья, книга, Козьма, кольцо, Крутогоров, кузнец, кулак, Люда, Людмила, лицо, Мария, мать, монах, мужик, ненависть, Неонила, Николай, нога, нож, озеро, отец, пламенник, плечо, Поликарп, поп, рабочий, революция, Сидоров, слово, старик, страсть, стена, сумрак, Суций, сын, Тамара, тело, темнота, трава, Туська, Туся, тягота, улыбка, Феофан, хибарка, хлеб, человек, чернец, черт/чорт*; в лирике: *битва, бой, боль, бытие, век, венец, весна, взор, вода, ворог, восток/Восток, выход, год, гул, даль, демон, дурак, дым, закат, заклятие/заклятье, зарница, звон, знак, зов, источник, колдунья/колдуния, костер, край, крыло, лампада, лета, лилия, луч, месяц, меч, мечта, мгла, молитва, молодость, мольба, мох, омут, ответ, отравка, пахарь, пламень, поле, поток, поцелуй, правда, призрак, проклятие/проклятье, пророк, простор, путь, пыль, пытка, река, роза, роса, Россия, Русь, свод, село, сила, сказка, слава, слепец, степь, страж, страна, стрела, судьба, тишина, труба, туман, тьма, яд*. Значительное количество несовпадений мы связываем с многочисленностью имен собственных главных персонажей в прозаических произведениях П.И. Карпова. К общежанровым лексемам относятся *бездна, бог/Бог, брат, буря, ветер, волна, воля, глаз, голос, гора, гроза, грудь, девушка, день, дорога, дух, душа, дьявол/диавол/Дьявол, жизнь, заря, звезда, земля, колдун, конец, красота,*

кровь, лес, любовь, люди, мир, небо, ночь, огонь, окно, песня, радость, рука, сад, свет, сердце, скит, смерть, созвездие/созвездье, солнце, сон, счастье/счастье, тайна, толпа, цветок, шум.

Далее подробно характеризуются лексемы *звезда, цветок и глаз*. Анализ синтагматических связей данных единиц выявил их разнообразие и широкую лексическую сочетаемость с другими словами. Хотя наиболее активно представлены глагольные связи, самыми показательными являются атрибутивы. Так, *цветок* в лирических и прозаических произведениях П.И. Карпова имеет глубоко символическое значение и занимает одно из важнейших мест в языковой картине мира. При описании цветка активно используются прилагательные с колоративной семантикой. В карповских стихотворениях преобладают колоративы с общим значением ‘оттенок синего цвета’ (*лазоревый, лазурный, сине-цветный, голубой*). Символ «лазоревого цветка», ассоциирующийся с народной поэзией, является центральным в лирике, так как обозначает Россию: *...Но колокольчиком поток / Звенит и сказки льет лесная, / Что жив лазоревый цветок, / Не умерла еще Россия...* (3, *Заклятый цветок*, с. 218). В прозаических произведениях чаще употребляются слова с семантикой ‘оттенок красного цвета’ (*алый, кровавый, багряный, огненный*), так как это полностью соответствует смысловой составляющей данных произведений – описанию волнений в народе и сопутствующих образов уничтожающего всё живое огня и льющейся повсеместно крови. Образ *кровавых цветов* – один из самых частотных в прозаическом тексте П.И. Карпова: *...Одержимый цветами крови, ночным сумраком, шелестом леса, пал Крутогоров ниц, на мокрую траву...* (3, *Пламень*, с. 187).

В роли определений, характеризующих соматизм *глаз*, также выступают цветковые прилагательные: *белый, серый, черный, желтый, зеленый, светлый, синий, темно-светлый, васильковый, зелено-желтый, иссиня-темный, красный, мутно-синий, острозеленый, серо-зеленый, сизый, сизо-синий, темный, черно-светлый* – П; *зеленый, синий* – Л. Окказионализм *острозеленый* имеет дополнительную семантику ‘проницательный, хорошо воспринимающий’. С зеленым цветом глаз у П.И. Карпова всегда ассоциируется нечто колдовское, даже бесовское: *...Окружив жертвенник сатаны, сцеплялись острозелеными, сыплющими мутные искры глазами с прожженным взглядом чернеца, шипя на своего заклинателя...* (3, *Пламень*, с. 131). Интересны оксюморонные образования – *черно-светлый* и *темно-светлый*: *...Заглядывала ему в сердце – в глаза темно-светлые, отчего пышный знойный рот ее полуоткрывался и страшные расширялись зрачки...* (3, *Пламень*, с. 61).

При описании цвета глаз героев прозаических произведений встречаются не только одиночные прилагательные, но и более сложные конструкции – обособленные обороты, имеющие в своем составе элемент с колоративной семантикой: *глаза – застланные светло-синим туманом;*

разбрасывающие чёрно-багровые зарницы; разбрасывающие синие молнии; маячившие, словно чёрно-багровые зарницы; черные, как туча. Цветовая характеристика прослеживается и в словосочетании *ночные глаза* – ‘темные (черные), как ночь’, ‘загадочные, таинственные’: ...*В ночных недвижных русалочьих глазах ее держались ужас и тайна...* (3, Пламень, с. 81). Многочленные атрибутивные цепочки активно используются автором для разностороннего описания глаз, например: *синие недобрые, мутные косые, суровые гневные, желтые колючие, огромные русалочки, вылинявшие зелено-желтые.*

Значительную группу определений в прозе составляют слова с семантикой ‘определенное эмоциональное состояние, чувства, выраженные с помощью глаз’: *мертвые, недобрые, пустые, жуткие, колючие, страшные, умирающие, гневные, грозные, грустные, жеглые* – от диалектизма *жега* ‘плут, обманщик, хитрый человек’, *недоверчивые, отверженные, растленные* ‘развращающие, безнравственные’, *страдные* ‘глаза, полные страдания’, *суровые, тяжелые, усталые*; реже атрибутивы передают положительные эмоции – *ясные, радостные, светлые.* ... *И, вздрогнув, ... отверженные подняла глаза...* (3, Пламень, с. 178). ...*Колючими водил, жеглыми глазами, чуть видимыми в сумраке...* (3, Пламень, с. 95). ...*Но всё же в суровых страдных глазах мутный страх...* (1, Бесенок, с. 361). Некоторые слова, номинирующие эмоции, трудно строго разграничить на обозначающие положительное и отрицательное, но, тем не менее, они выражают сильные чувства: *острые / вострые, раскаленные, горящие* ‘страстные, полные возбуждения’, *горячие, дикие* ‘необузданные’, *дрёмные* ‘спокойные’, *бездонно-жадные* ‘очень глубокие, без дна, затягивающие’, *жадные, ненасытные* ‘исполненные желанием понять, познать что-нибудь’, *разящие* ‘проницательные, проникающие в душу’: ...*Обжегся об огонь глаз ее дрёмных, сизо-синих, затерянных в омуте длинных ресниц...* (1, Кожаное небо, 238). ...*А глаза, бездонно-жадные, застланные светло-синим туманом, глядели в глубь сердца – ждали...* (3, Пламень, с. 170). Оттенки загадочности, таинственности и магии глаза приобретают в сочетании со словами *колдовские, ведовские, загадочные.* В описании глаз героя фиксируются характеристики животных и сказочных существ: *русалочки* ‘магические’, *сучьи* ‘хитрые, недобрые’, *змеиные* ‘коварные’, *свиные* ‘маленькие, неприятные’, *совиные* ‘круглые, невидящие’ – *П. ... – Тьфу!.. Псюгань!.. Песье мясо!.. – харкнул ему в свиные глаза Козьма-скопец...* (3, Пламень, с. 79).

Атрибутивный компонент также может выражаться приложением: *глаз-бездна, глаз-буря, глаз-нож, глаз-огонь, глаз-провал, глаз-уголь.* В лирике П.И. Карпов часто использует субстантивные определения, создавая олицетворения: *глаза души, глаза зари, глаза цветка:... Восстань! Раскрой души глаза, / Добыча бед: / Вскипает синяя гроза, / Несет свой свет...* (3, Отверженец, с. 238).

Среди адъективных доминант актуализированного лексикона Карпова к одножанровым лексемам относятся: *большой, великий, высокий, гибкий, горячий, грозный, древний, желтый, крепкий, низкий, новый, острый, родной, сладкий, смертный, старый, страшный, таинственный, тонкий, тяжелый, черный, чистый/Чистый – П; буйный, бурнопламенный, весенний, грозовой, железный, живой, звездный, лазоревый, лазурный, лунный, мертвый, серебряный, слепой, солнечный, степной, огневой, полный, пламенный, ясный – Л.* Общежанровыми являются прилагательные: *белый, веющий, глухой, голубой, дикий, жуткий, зеленый, золотой, красный, кровавый, лесной, лютый, молодой/младой, нежный, ночной, огненный, светлый/Светлый, синий, последний, темный.*

Нами рассмотрены прилагательные *золотой/златой* и *глухой*. *Золотой/златой* имеет в контекстах произведений как традиционное, основное, значение ‘сделанный из золота’ (*золотой ключ, золотые палаты*), так и дополнительные, переносные. Семантику ‘прекрасный, лучший, счастливый’ лексема *золотой* приобретает в сочетании с абстрактными существительными (*золотой сон*), а также входит в состав символических обозначений (Россия – *золотая ладья, золотой Салим* – символ лучшей жизни, рая на земле): *...А когда мы, корчась, Сгорим На кострах багровых – Обретем мы На горелых корчагах Золотой Салим...* (Самосожженцы, с. 221). Определяемыми лексическими единицами являются существительные, обозначающие растения, их части и совокупности, небесные тела, водное пространство, элементы ландшафта, соматизмы.

Имя прилагательное *глухой* в художественных текстах П.И. Карпова реализует значения ‘сплошной, без просветов’, ‘тихий, без проявления жизни, пустынный, безлюдный’, ‘находящийся в глуши’, ‘смутный, неясный, затаенный’, ‘неотзывчивый, безразличный, равнодушный’. Чаще всего *глухой* при характеристике явлений, связанных с голосом, обозначает ‘негромкий, приглушенный’: *...И люди, уловив благовую весть, / О страннике с неведомой дороги, / Что мир заветный может изобрести, – / С глухой мольбой ему упали в ноги...* (Заклятый цветок, с. 218). В лексиконах не зафиксированы примеры с основным значением доминантного прилагательного – ‘лишенный слуха, способности слышать’.

В состав общежанровых глагольных доминант лирических и прозаических произведений П.И. Карпова входят: *быть, выйти, глядеть, гореть, дать, ждать, жить, знать, идти, любить, петь, прийти, пройти, уйти, цвести*. Одножанровыми являются *бить, бросить, верить, взять, видеть, говорить, гудеть, есть, молчать, мочь, падать, поднять, подойти, пойти, принять, простить, сказать, убить, увидеть/увидать, узнать, ходить, хотеть – П; биться, брести, вести, восстать, заклинать, звать, звенеть, нести/нести, отдать, плыть,*

расцвети/расцветь, сжечь, слать, сыпать, упасть – Л. Обращают на себя внимание лексемы *петь* и *цвести*, которые несут разнообразную семантическую нагрузку. Глагол *петь* фиксируется в основном значении ‘издавать посредством голоса мелодичные звуки’, но значительно больше отмечено конструкций, где лексема приобретает устаревшее и высокое значение ‘восхвалять, воспевать кого-то, что-то’. Самым часто воспеваемым явлением в идиолекте П.И. Карпова считается солнце, свет которого позволяет людям жить и радоваться жизни: ...*Жили поэты в обители среди старых, мятежно раскинувшихся садов с давна. Пели радость и солнце, пахали поле...* (Пламень, с. 29). Авторскому переосмыслению подвергаются устойчивые словосочетания (например, *предать анафеме – петь анафему*): ...*Черная остервенелая орава, вихрем носясь вокруг онемевших, смертельно бьющихся в судорогах Вячеслава и Неонилы, дико и жутко пела Феофану анафему...* (Пламень, с. 130).

Экспрессивная окраска проявляется и в переносном значении глагола *цвести*, например, при изображении глаз героя: ...*Но синие зрачки цвели, как бездны...* (Пламень, с. 211). Самым ярким и излюбленным П.И. Карповым стилистическим приемом использования доминантных глаголов считаем олицетворение. Особенно употребительны сочетания глаголов *петь* и *цвести* с существительными *душа* и *сердце*. ...*А в сердце его цвели кровожадные цветы и пела, точно ураган, колдовская песня: «Люда»...* (Пламень, с. 89); ...*Я умолкал, но в душе у меня пело, и радость, радость светилась в моих глазах!..* (Жемчужное озеро, с. 371).

Исследование языка художественной прозы и поэзии Пимена Ивановича Карпова выявило своеобразие репрезентации языковой картины мира писателя. Лексикон художественного слова курского мастера отражает общезыковые тенденции, дает представление об авторском видении действительности и наиболее ярко раскрывает его языковую личность. Лексическая система произведений П.И. Карпова отличается богатством, индивидуальностью и экспрессивностью.

Проведенное нами исследование является первым этапом лингвистического изучения художественной прозы и поэзии П.И. Карпова. Перспективы изучения языка самобытного русского писателя видятся в исследовании лексики художественного дискурса П.И. Карпова в сравнении со словарями других мастеров слова. Перспективными для будущего изучения языковой личности также представляются автобиографические произведения мемуарного характера.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. *Кузьмина А.В.* Окказиональные собирательные существительные в художественном дискурсе Е.И. Носова // *INCIPIO=Начинаю*: сб. науч. трудов молодых ученых. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 35–40.
2. *Кузьмина А.В.* К вопросу об изучении творчества П.И. Карпова // *INCIPIO=Начинаю*: сб. науч. трудов молодых ученых. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. Вып. 5. С. 22–26.
3. *Кузьмина А.В.* Лексическая доминанта *звезда* в лирических произведениях П.И. Карпова // *Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах*: сб. науч. ст. Орел: ОГУ, 2010. С. 243–244.
4. *Кузьмина А.В.* Частотные существительные в лирическом дискурсе П.И. Карпова // *Курское слово*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. Вып. 7. С. 39–43.
5. *Кузьмина А.В.* Имена натурфактов в лирических произведениях П.И. Карпова // *Проблемы языковой картины мира на современном этапе*: сб. ст. по материалам международной научной конференции молодых ученых / Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2011. Вып. 10. С. 191–195.
6. *Кузьмина А.В.* Разговорная лексика как средство создания выразительности в лирике П.И. Карпова // *Курское слово*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. Вып. 8. С. 67–70.
7. *Кузьмина А.В.* Семантические оттенки прилагательного *глухой* в актуализированном лексиконе поэзии П.И. Карпова // *INCIPIO=Начинаю*: сб. науч. трудов молодых ученых. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 19–22.
8. *Кузьмина А.В.* Устаревшая лексика в стихотворении П.И. Карпова «Заклятый цветок» // *Курский текст в поле национальной культуры: материалы спецкурса для студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры филологического факультета Курского госуниверситета (авторская программа специализированной подготовки «Литературное образование С.С. Козлова»)* / сост. и науч. ред. С.С. Козлов. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. № 3. С. 204–208.
9. *Кузьмина А.В.* Атрибутивные связи лексемы *глаз* в идиолекте П.И. Карпова // *Курское слово*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2012. Вып. 9. С. 21–28.
10. *Кузьмина А.В.* Фольклорные мотивы в творчестве П.И. Карпова // *Лингвофольклористика*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. Вып. 20. С. 76–81.
11. *Кузьмина А.В., Косицына Н.О.* Лексика религиозной культуры в идиолекте писателя (к сопоставительному исследованию) // *Курское слово*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. Вып. 10. С. 11–18.

**Публикации в изданиях из Перечня
ведущих рецензируемых научных журналов**

1. *Кузьмина А.В.* Лексема *цветок* в лирических и прозаических произведениях П.И. Карпова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2011. Вып. 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/05/pdf/15.pdf> (дата обращения: 21.09.2013).
2. *Кузьмина А.В.* Частотные колоративы в поэзии П.И. Карпова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2011. № 1 (13). С. 248–251.
3. *Кузьмина А.В.* Окказионализмы в идиолекте П.И. Карпова // Электронный научный журнал «Вестник Удмуртского государственного университета». Серия 5: История и филология. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2012. Вып. 2. С. 45–50 [Электронный ресурс] URL: http://vestnik.udsu.ru/2012/2012-052/vuu_12_052_06.pdf (дата обращения: 21.09.2013).

Кузьмина Алевтина Викторовна

Художественное слово П.И. Карпова

Автореферат

Подписано в печать 19.09.2014 г.
Формат 60x84/16. Объем 1,3 п.л.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство Курского государственного медицинского университета
305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3
Лицензия ЛР № 020862 от 30.04.99 г.

